РАЗДЕЛ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Волей-неволей виделось так, что все мы заложники в какой-то смертельно жестокой игре. Каждое наше движение ради того, чтобы избежать смерти, наталкивалось на противодействие официальных факторов; каждая наша попытка избежать несчастья наталкивалась на официальные контрмеры. Чтобы нам противодействовать и допекать, власти часто прибегали к акциям, которые могли бы казаться смешными, если бы не были такими невероятно садистскими.

Одной из таких акций, которую я до сих пор помню очень отчетливо, была кампания сдачи собачьих и кошачьих шкурок государству. Соловьи уже возвещали весну своим пением в расцветших садах. Но в этом году никто не радовался их пению, как бывало когда-то, ведь голод доходил до своей кульминации. А поскольку крестьяне поедали всё съедобное, то и собаки и коты сделались очень желанными лакомствами. И вот в один из таких весенних дней послышались отзвуки ружейных выстрелов где-то на дальних концах села. Они приближались к нам с востока, и когда выстрелы звучали ближе, их сопровождал громкий лай, жалобный вой и скулёж собак. Одновременно мы услышали смех и перекликание нескольких мужских голосов. Это звучало удивительно странно тогда, когда весь народ в селе был подавлен и молчалив. Вдруг и в нашем дворе где-то за овином прозвучало несколько выстрелов и послышался собачий скулёж и вой. Мы сразу догадались, что это был голос нашей собаки Латки. Я выскочил из хаты, и когда добежал до того места, то увидел нашу Латку в луже крови, она лежала мёртвая. Рядом стояли трое стрельцов, которые смотрели на собаку, о чём-то говорили и смеялись. Я расплакался громко и стал гладить мёр-

твое животное. Но мой плач не произвёл никакого впечатления на убийц. Один из них оттолкнул меня, схватил Латку за хвост и поволок её по улице, где стояла подвода, нагруженная трупами настрелянных собак и котов. Потом все трое уселись на эту подводу и поехали дальше. Немного спустя уже где-то вдали снова послышались выстрелы и выкрики и предсмертный скулёж бедных животных.

Со временем появилось и объяснение этой, вроде бы, бессмысленной резни. Наше село получило разнарядку сдать государству определённое количество шкурок собак и котов. Её исполнение было возложено на сельских охотников, несмотря на то, что в этом селе после недавней конфискации всякого оружия не осталось ни одного охотничьего ружья. Вот и встал вопрос, как выполнить приказ об этой сдаче? Помощь пришла оттуда, откуда её никто не ждал: от тысячников! Они по доброй воле взялись за нас погубить должное количество собак и котов, хоть их никто об этом не просил. Вот так наше село стало охотничьими угодьями для тысячников. Все девять приехали к нам в село со своим охотничьим оружием в добавок к тем наганам, которые они, как мы знали, всегда имели при себе. Тысячники открыли охотничий сезон, не спрашивая нашего разрешения и даже не уведомив никого о своих намерениях. Начав с восточной околицы села и идя на запад, они методично и безоглядно отстреляли абсолютно всех собак и котов, которые попадались им на глаза.

Тела несчастных животных сбросили кучей на колхозном дворе. Но ободрать их оказалось тяжелее, чем убить: это было хлопотное дело, ведь квалифицированных шкуродёров почти не нашлось. Кучи мёртвых тел охраняли два человека, назначенные самим "товарищем тысячником". Поговаривали, будто он беспокоился, чтобы наши оголодавшие односельчане не растянули те трупы. Прошла неделя или больше, а шкурки всё ещё не были содраны. Эта куча начала разлагаться, распространяя вокруг мерзкий смрад. Наконец до нас дошла весть, что "товарищ тысячник" распорядился раздать эти мёртвые тела желающим под его личным присмотром! Через несколько часов их и раздали. Что ж, как говорит народная поговорка, – "Голодному всё по вкусу". Оставался вопрос: какое значение имела эта

кампания и её последствия для всех причастных к ней? Действительно ли государство так нуждалось в этих собачьих и кошачьих шкурках? Возможно, что да. Но ведь сельские власти – так казалось – не спешили ободрать мёртвых животных. Так не было ли всё это частью генерального плана голодом принудить крестьян к абсолютной покорности правительству? Тот факт, что тысячники приехали в село с охотничьим оружием, свидетельствовал, что кампания против собак и котов была спланирована и подготовлена заранее. А может, убийство собак и котов было заранее продуманным средством лишить обессилевшее от голода крестьянство последней возможности на подкормку.

А однажды в начале 32-го года разнеслась другая тревожная весть: "Соловьёв убивают!" Соловей – это же национальный символ Украины. Он в воображении обязательно ассоциируется с украинским селом, его садами, полями и побеленными хатами-мазанками. Каждая сельская усадьба имеет одну или две семьи соловьёв и считает их своими родными. Мы в нашем селе привыкли слушать соловьиное пение так, как в городах люди слушают концерты. Никто никогда не вредил соловьям, даже хулиганистые мальчишки, которые гонялись за другими птицами. Легенда, ходившая от поколения к поколению, уверяет, что смерть соловья принесёт несчастье тому двору или дому, где он умрёт или будет убит (если такое преступление можно себе представить).

Но голод немилосерден, и он сделал оголодавших людей безжалостными к любому живому созданию, не миновав и соловьёв. Забыв о легенде, голодные человеческие создания стали охотиться не только на других птиц, но и на соловьёв. Из их гнёзд выдирали и яйца, и птенцов.

Так соловьи тоже стали добычей тысячников, как и псы и коты, хоть на этот раз не было никакой официальной кампании против них.

Теперь когда вечерело и в рассветные часы мы слышали выстрелы из ружей вместо соловьиного пения. Охотясь на соловьёв, точно так же как и во время истребления собак и котов, тысячники действовали последовательно и систематически. На этот раз они начали с центра села. Мы слышали, что они

разделились на две группы: одна пошла на запад, а другая на восток. Через несколько дней они добрались и до нашего угла, и я видел их в деле. Тихонько, не шелохнув, они подкрадывались к дереву, на котором пел соловей и терпеливо выжидали подходящего момента. Потом один из них прицеливался и стрелял. Обычно промахов не было, так как они были первоклассными стрелками. С каждым удачным выстрелом товарищи поздравляли удачника-охотника.

Эту бессмысленную охоту на соловьёв мы наблюдали с чувством бессильной ярости. Можно было найти какое-то оправдание, когда полусумасшедший от голода крестьянин убивал любимых птичек в своём огромном отчаянии. Но никаких оправданий не было, чтобы уничтожать их так жестоко и сознательно и с таким лёгким сердцем, будто это было развлечение или стрельба ради практики. Ища объяснение этому новейшему "подвигу" тысячников, некоторые из крестьян приходили к выводу, что это была месть горожан нам, сельским людям. Но тогда возникал вопрос: месть за что? Мы были ни в чём не виноваты перед ними или правительством, от имени которого они действовали. Хоть как мы ни старались, но не могли понять то, что творилось.

Одно было ясно: с пением соловьёв покончили очень эффективно, и прошло много времени, покуда соловьи опять появились в нашем селе – к нашей тихой радости.